

...перед рассветом меня разбудили догадки о чём-то, которые тут же стали тусклыми отголосками сна... Кастор предрёк Оресту обретение свободы и счастья после долгих лет скитаний, и его предсказание тотчас забылось, и память, такая забывчивая, такая упрямая человеческая память, вечно ввергающая нас в пучину исполненных предсказаний, стёрла следы промелькнувших мыслей, оставив лишь смутные, невнятные чувства... Открываю окно, и свинцовая синева растекается по комнате, превращая темноту в предутренние сумерки. Ставлю чайник на кухне и слушаю его нарастающий шум. Шорохи постепенно вбирают в себя сиреневый рокот утра, сливаясь с ним в единый звук...

Саффо преломилась в любовном томлении в Лесбию,

И юный веронец, от страсти сгорая, победителем смотрит на мужа патриции.

Но нет ревнивому сердцу покоя в любовнице,

Как нет доверия сердцу изменчивой милой богинежеманнице.

О, милая Лесбия, душу веронца покорившая с лёгкостью,

Чарам твоим подвластны все смертные!

И иудеи, фракийцы, арабы, и прочие людности

В мгновение ока сборник Валерия Катона купят.

Страсть разделённая, влюблённость и ревность шипящие

Громом эмоций и славой звенящей наполняют поэта,

чтоб исписал, до рассвета томимый бессонницей,

Стихами пергамент к возлюбленной милой жеманнице...

– ...привет – прошелестело занавесками Утро.

Поэт поднял голову.

– ...привет, – бормотал он, рассеянно рассматривая на портьерах изломы геометрического рисунка, сливающегося с бесцветными обоями. Плавающее солнце нового дня неотвратимо заполняло собой город, всё больше проникая в комнату Поэта, которую тот отгородил от шума улиц плотными занавесями. Прищурившись на свет, Поэт что-то невнятно шептал, стуча по клавиатуре в такт своим мыслям.

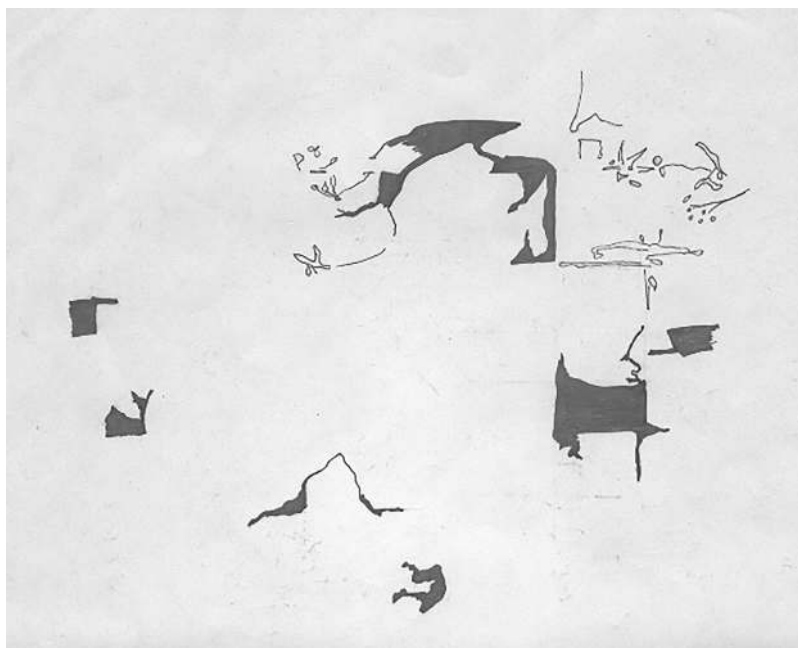
– А где Ночь?

– Не знаю. Упёрлась куда-то. Буквально перед твоим приходом.

Утро уселось на диван и застыло на стене искривлённым силуэтом, упираясь ломаными линиями в геометрию портьерного рисунка. Шелестели занавески.

– ...смотри, новый шедевр, – сказал Художник, щурясь на свет близорукими глазами.

Утро бросило на бумагу горсть солнечных зайчиков. Солнечные зайчики мгновенно разбежались в разные стороны, и только один из них застыл на рисунке, словно всматриваясь в пустоту ломаных линий.

– Это абстракция. Каждый видит в этом что-то своё, – виновато пояснил Художник.

– Все вещи и события вокруг абстрактны, – безлично прошелестело Утро. – Как-то один Поэт читал мне стихотворение, посвящённое Катулле, и я помню, как также Катулл читал свои новые стихи. Каждое слово, каждый излом смысла, преломляющийся в линию судьбы, уже был, и каждый проживает это знание по-своему. Всё, созданное людьми, так или иначе наполнено страстью Быть.

– Поэтому мой рисунок шедевр. Это ничто. Но каждый увидит в нём своё настроение. И оценит. И чем больше будет знаний у зрителей, тем выше они оценят мой рисунок.

– Возможно, – прошелестело занавесками Утро, рассыпаясь по углам комнаты солнечными зайчиками.

Приближался Полдень. Солнце, сдвинув облака в небе как декорацию, начинало плавить центр комнаты. Распаянный солнцем художник задёрнул портьеры, убив свет.

– ...Бывай... – прошелестело занавесками Утро.

– ...знаешь, вчера на выставке я вдруг увидел, как много художников

пишут в абстрактной манере письма. Мне впервые пришла в голову мысль, что мир ничего не потеряет, если меня не будет. Мне стало грустно. Я больше не могу писать.

– Почему?

– Я потерял ощущение своей уникальности. Одинаковые идеи, одинаковые линии. Я вдруг остро ощутил, что я вторичен.

Утро встало и, открыв окно, растворилось в нарастающем шуме просыпающегося города. Порыв ветра сломал привычную геометрию портьерного рисунка, раскидав рисунки по всей комнате. Солнечные зайчики запрыгали по стенам домов, срезая углы, и каждый из них, пытаясь разогнать сумеречную тень многоэтажек, притворялся солнцем.

– Рисунки! Мои рисунки! Зачем ты открыл окно?

В утренней дымке начинал чадить городской транспорт.

Кастор и Поллукс безмолвно взирали на тысячелетнюю драму человека, а солнце, сдвинув в небе созвездие близнецов как декорацию, неумолимо приближалось к городу.

Утро умерло в Художнике.

На рассвете запел жаворонок.

2

Прозрачное небо, стылый воздух, стройные берёзы с ветками-паутинами, буро-жёлтая листва и выцветшая трава с мёрзлыми лужами октября всё больше овладевали городом, затеняя его осенним мороком. День, постепенно угасая, становился всё короче, время замедлялось и, поглощая летний зной, оставляло обнажающийся город наедине с ветром и дождём, сменяющие собой нежаркие солнечные дни.

Долгие, полные раздумий, прогулки неизменно приводили к открытиям имён и мест, которые обычно затёрты повседневностью, а обострённое чувство осени с особой силой очерчивало силуэты когда-то живших людей. Одним из таких силуэтов, проступивших сквозь время...

– ...привет – прошелестел ветками Вечер.

Художник поднял голову.

– Который час?

– Вечерет.

– ...Подожди! Я снова тебя слышу! В последний раз мы с тобой разговаривали лет двадцать назад! В тот день...

– ...это было Утро... – безлично шуршали голые ветки.

– ...я сказал, что потерял ощущение своей уникальности, и сразу же перестал слышать мир. Прислушиваясь к шорохам в комнате, я слышал только пустоту. Постепенно я забыл свои абстракции. Я понял, что мир материален и предметен, и стал рисовать лес. Я до боли почувствовал, что на-

строение на картине надо передавать через цвет и детали. Сейчас я рисую пейзажи, остро ощущая на кончиках пальцев красоту времени суток...

В быстро темнеющем парке Художник что-то невнятно шептал, делая в блокноте зарисовки в такт своим мыслям.

